

Глава 42. Дитя с огромной головой (VII)

Прошло время, и супруги Хуан вернулись. После столь беспокойной ночи сон не шел; до самого рассвета они просидели в тягостном оцепенении.

Едва забрезжило утро, Хуан Минь сам подошел к Чан Я и Цэнь Сяолу.

— Вы ведь обещали помочь с лекарем? — глухо произнес он. — Цзыфэй уже бредит. Мы с Даймэй останемся здесь, присмотрим за ним. Если правда хотите помочь, не медлите, ступайте скорее.

Чан Я взглянул на Хуан Цзыфэя: состояние мальчика и впрямь было критическим. Медлить больше нельзя.

— Дядя Хуан, мы сейчас же отправимся в путь.

Цэнь Сяолу вывел лошадей, проверил упряжь, и они с Чан Я помчались в сторону ближайшего города.

Не отъехали они и на пару ли, как Чан Я вдруг осенило. Вечером, опасаясь сырости, они перенесли все вещи из повозки в хижину, в том числе и свертки с лекарствами для больных детей. Супруги Хуан об этом знали. Если в отчаянии они решат дать Цзыфэю что-то из этих снадобий наобум... последствия могли быть фатальными.

От этой мысли по спине Чан Я пробежал холодок.

— Сяолу, нужно вернуться! — крикнул он. — Я оставил лекарства там, это опасно. Заодно заберем Цзыфэя с собой, чтобы не тратить время на дорогу туда и обратно. Вдруг в городе нам не сразу удастся найти врача или денег не хватит...

Цэнь Сяолу не стал спорить. Они мгновенно развернули лошадей. Но стоило им приблизиться к развалинам, как до слуха донесся звон стали и крики. Сердце Чан Я пропустило удар — предчувствие было дурным.

Дверь хижины была распахнута настежь. Внутри кипела схватка: четыре тени метались в тесном пространстве. Трое нападавших действовали слаженно, сжимая в руках ножи. Четвертый — юноша с кнутом — извивался между ними, отбиваясь с яростным упорством.

Хуан Минь забился в угол, трясаясь от ужаса. Один из бандитов, улучив момент, замахнулся ножом, намереваясь прикончить свидетеля. Цэнь Сяолу среагировал мгновенно: спрыгнув с коня, он ворвался в хижину и точным ударом ноги выбил оружие из рук нападавшего. Разбойник отлетел назад, врезавшись в стену.

Хуан Минь, уже мысленно попрощавшись с жизнью, ошалело смотрел на своего спасителя. Его ноги подкашивались, он пополз прочь по грязному полу. Страх за собственную шкуру перевесил всё остальное. Пока в центре комнаты шел бой, он вскочил и, не оглядываясь, бросился к выходу.

— Дядя Хуан! — только и успел выкрикнуть Чан Я, прежде чем услышал снаружи ржание коней и грохот уезжающей повозки.

Сейчас было не до беглеца. Схватка продолжалась. Теперь это был бой двоих против троих: Цэнь Сяолу и незнакомец с кнутом сдерживали натиск бандитов. В другом углу, вжавшись в камни, застыла Хуан Даймэй с детьми. Чан Я, понимая, что в гуще боя он будет лишь помехой, схватил увесистое полено и загородил собой женщину с ребятами.

Юноша с кнутом действовал мастерски. Каждый взмах его оружия свистел в воздухе, не подпуская врагов близко. Тот бандит, которого Сяолу обезоружил первым, попытался броситься врукопашную. Сяолу уклонился от замаха, перехватил запястье нападавшего и, резко вывернув его, заставил того взвыть от боли. Удар под колено — и разбойник рухнул на землю.

— Пощади! Пощади, господин! Я ничего не взял! — заскулил он, чувствуя, как пальцы Сяолу железной хваткой сомкнулись на его горле.

Двое других, увидев, что дело принимает дурной оборот, переглянулись. Они были обычным лесным отребьем, привыкшим грабить беззащитных путников, и не ожидали такого яростного отпора. Поняв, что добыча им не по зубам, они отбросили поверженного товарища и бросились наутек.

Пленник в руках Сяолу окончательно пал духом. Он обмяк, ожидая смерти. Чан Я, видя, что опасность миновала, отбросил полено и подбежал к другу.

— Ты цел? — тяжело дыша, спросил он.

Сяолу лишь кивнул, не сводя глаз с разбойника, чье лицо уже начало синеть. Ослабив хватку ровно настолько, чтобы тот не задохнулся, Сяолу услышал хрип:

— Отпусти... я больше не буду... всё забрали те, кто убежал...

Сяолу коротким ударом ладони отправил бандита в беспмятство.

— Что здесь, в конце концов, произошло? — Чан Я всё еще не мог прийти в себя от хаоса.

В разговор вмешался юноша с кнутом.

— Эти трое — местные стервятники с гор. Давно заприметили вашу компанию и решили поживиться, — он небрежно смотал кнут и повесил его на пояс. — Только вот сюрприз вышел: когда они вошли, то застучали вот этих, — он указал на Хуан Даймэй, — за тем же самым занятием. Попытались обокрасть своих же благодетелей. Завязалась грызня, ну а тут и я подоспел.

Чан Я потрясенно замер. Он только сейчас смог рассмотреть незнакомца. Тот был одет в добротную одежду для странствий: меховые сапоги, такие же наручи, волосы заплетены в тугие косы. В его облике, смуглой коже и уверенных движениях чувствовалась дикая, необузданная сила.

Цэнь Сяолу смотрел на него с явным подозрением.

— Кто ты такой?

— Я точно не из плохих парней, — юноша примирительно поднял руки. — Вообще-то я вам только что шкуры спас.

— Отвечай на вопрос, — холодно процедил Сяолу.

— Ладно, ладно. Имя мне — Ху Е.

Повисла пауза.

— И всё? — не выдержал Чан Я.

— А что еще? Рост мой тебе сказать или сколько зубов во рту? — Ху Е усмехнулся с лукавым видом.

— Как ты здесь оказался?

— Дорога общая, — пожал плечами Ху Е. — Скажу, что мимо проходил — не поверите ведь?

— Не поверим, — отрезал Чан Я. Он всё еще был на взводе.

— Вот видите, правду говорить бесполезно, — развел руками юноша. — Я просто не люблю несправедливость. А вам бы стоило допросить вон ту дамочку. Идут с вами одной тропой, а сами в карман заглядывают. Хороши «спутники», ничего не скажешь.

— Ты следил за нами? — тон Сяолу стал еще более угрожающим.

— Много чести — следить за двумя молокососами, — фыркнул Ху Е. — Я просто шел следом. И видел, как ночью, пока вы спали беспробудным сном, ваши «друзья» потрошили ваши сумки.

Слова Ху Е били наотмашь. Чан Я перевел взгляд на Хуан Даймэй. Та, то ли от осознания, что муж бросил её, то ли от злости, что попалась, вдруг сорвалась на крик:

— Да! Это мы сделали! И что вы нам сделаете?!

Чан Я не верил своим ушам. Он искренне сочувствовал этой семье, заботился о них, а в ответ получил нож в спину.

— Тётушка Хуан... зачем? За что?

— А как нам еще выживать?! С голодудохнуть?! — взвилась та. — Вы тут добрые, совесть у вас чиста, смотрите на нас сверху вниз... А о том, что будет дальше, подумали? Ваша милостыня сегодня есть, а завтра? Без гроша в кармане как нам жить?

Чан Я стоял, раздавленный этой извращенной логикой. Их доброта превратилась в «подачку», их искренность — в повод для ненависти.

— Мы никогда не считали себя выше вас...

— Плевать! — Даймэй сплюнула на пол, окончательно превращаясь в базарную хабалку. — Терять мне нечего. Всё добро этот кобель заграбастал и сбежал. Хотите — убивайте нас прямо здесь, проку-то!

— Вы нас опоили? — спросил Сяолу. Теперь стало ясно, почему той ночью он, всегда чуткий, ничего не услышал.

— А то как же! — Даймэй пошла вразнос. — Думали, крольчатина сама в рот прыгнула? Мало я этой дряни подсыпала, надо было больше, чтобы вы вовсе не проснулись!

Чан Я почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Столько злобы в ответ на простую человеческую помощь. Хуан Сяонань, забившись в угол, тихо плакала, обнимая младшего брата. Лицо маленького Цзыфэя пылало жаром, он метался в бреду, не понимая, какая грязь творится вокруг.

— Хуан Цзыфэй при смерти, — сквозь зубы выдавил Чан Я. — Если в тебе осталась хоть капля материнского сердца, дай нам отвезти его в город.

— Обойдемся без вашего притворства! — огрызнулась женщина.

— Какая же ты щедрая душа, — подал голос Ху Е, иронично наблюдая за сценой. — Помогаете тем, кто на твою могилу плюнуть готов.

Цэнь Сяолу не стал тратить слова на споры.

— Проваливайте. Живо.

С такими людьми, как Даймэй, говорить о совести было бесполезно. Она и сама хотела убраться подальше, проклиная мужа, который бросил её на произвол судьбы.

— Уйдем, не сомневайтесь! — Она выхватила Цзыфэя из рук дочери и грубо толкнула Сяонань.
— Чего застыла, девка? Шевелись!

Сяонань, не смея пикнуть, вытирая слезы, поплелась за матерью. Проходя мимо Чан Я, она на мгновение подняла на него полные отчаяния глаза. В этом взгляде была и немая мольба, и стыд, и бессилие, от которых у Чан Я защемило сердце.

— Всё в порядке? — Сяолу коснулся его плеча.

Чан Я лишь покачал головой. Горечь предательства была сильнее ярости. Это чувство бессилия перед человеческой низостью оказалось куда болезненнее потери денег.

Ху Е звонко хлопнул в ладоши.

— Ну и ну! Никогда не видел таких добряков. Просто взяли и отпустили? — Он усмехнулся, глядя на их понурые фигуры. — Ну вы и везунчики. Денег нет, вещи тю-тю, даже повозку вашу угнали. Чистая работа!

<http://bllate.org/book/17545/1719004>